

**К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ
БИБЛИОТЕЧНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ
в 1930-е годы**

Сборник документов
Комментированное издание

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Отдел научной систематизации литературы

**К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ
БИБЛИОТЕЧНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ
в 1930-е годы**

Сборник документов
Комментированное издание

Санкт-Петербург
2018

ББК 78.37
К 11

Авторы-составители:
Н.В. Бекжанова (отв. сост.),
Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Перекрест

Рецензенты:
главный редактор ББК, заведующий сектором НИО ББК РГБ,
кандидат педагогических наук, доцент
Э.Р. Сукиасян
кандидат педагогических наук, доцент
Н.В. Пономарева

К истории разработки библиотечных классификаций
К 11 **в 1930-е годы: сб. док. : коммент. изд. / Библиотека Рос. акад.**
наук, Отдел науч. систематизации лит. ; авт.-сост.: Н.В. Бекжанова
(отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Пе-
рекрест. – СПб. : БАН, 2018. – 255 с.

ISBN 978-5-336-00232-4

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
Протокол заседания и стенограмма доклада «О реальных каталогах в системе Академии наук» (22 февраля 1933 г.)	14
Участники расширенного Ученого совета БАН, Ленинград, 22 февраля 1933 г.	53
Стенографический отчет конференции по составлению системных каталогов при БАН СССР [7–9 июня 1934 года]	56
То, что было и чего не было на первой конференции по систематическому каталогу	141
Участники работы 1-й Всесоюзной конференции по систематическому каталогу, Ленинград, 7–9 июня 1934 г.	164
Проект схемы классификации наук для систематического каталога Библиотеки Академии наук [1934 г.]	168
Словарь участников работы над библиотечными классификациями, упомянутых в настоящем сборнике и документах отдела информации и систематизации БАН	180
Всеволод Васильевич Успенский в печати: Список публикаций за 1929–2017 гг.	235
Именной указатель	245
Список сокращений	252

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Классификационную теорию один из крупнейших библиотековедов начала XX в. Дж.Д. Браун¹ назвал «полем битвы»². Б.Ю. Эйдельман³, другой признанный специалист в области классификации, отмечал, что борьба течений в библиотековедении идет, главным образом, вокруг систематики книг⁴. Эти утверждения представляются нам особенно справедливыми для отечественного библиотековедения первой половины XX в. Самым острым этапом его истории можно назвать 1930-е гг. На рубеже 1920–1930-х гг. не только массовые, но и научные библиотеки были вынуждены приступить к реализации поставленной перед ними еще десятилетие назад⁵ задачи стать полноценными проводниками идей социализма.

Говоря о научной среде рубежа 1920–1930-х гг., неотъемлемой частью которой были специализированные библиотеки, важно иметь в виду социально-экономический контекст. Характерными тенденциями государственного управления тех лет было стремление к макси-

¹ Браун Джеймс Дафф (1862–1914) – английский библиотековед, инициатор введения открытого доступа к фондам, автор «Предметной классификации» (1906).

² *Brown J.D.* Subject classification for the arrangement of libraries and the organization of information : with tables, indexes, etc., for the subdivision of subjects. 3th ed., rev. and enlarger. London, 1939. P. 8.

³ Эйдельман Борис Юрьевич (1904–1987) – библиотековед, специалист в области библиотечной классификации и систематического каталога, один из разработчиков ББК. В 1931–1941, 1946–1953 гг. сотрудник ГПБ, где руководил отделом систематизации и предметизации.

⁴ Эйдельман Б.Ю. О развитии современной классификационной мысли: (к выходу т. 2 «Очерков» Е.И. Шамурина) // Тр. Ленингр. библиотечного ин-та им. Н.К. Крупской. 1961. Т. 8. С. 145.

⁵ Уже в первые годы Советской власти были приняты декреты «О постановке библиотечного дела» (1918), «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» (1918), «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (1920) и др., которые затрагивали всю систему библиотечной работы и были направлены на перестройку библиотеки как социального института.

мальной централизации, жесткому планированию и контролю со стороны партийных органов. В этих условиях наука не могла остаться в стороне.

Отношение лидеров Советского государства к научным институтам и ученым в тот период можно охарактеризовать как амбивалентное. С одной стороны, с самого начала науке отводилась значительная роль в строительстве коммунистического общества. С другой стороны, в 1920-е гг. не только в общественном сознании, но и в представлениях партийных лидеров «наука» прочно ассоциировалась со «старым режимом». Обращение к помощи «буржуазных специалистов» – старой научно-технической интеллигенции – считалось вынужденной мерой до тех пор, пока не сформируется новая научная элита, разделяющая марксистско-ленинскую идеологию.

Яркое свидетельство двусмысленного положения ученых в обществе того времени – судьба Академии наук (далее – АН). Не питая иллюзий в отношении готовности «старых спецов» разделить энтузиазм строителей коммунизма, руководство страны пыталось создать параллельные АН институты: в Москве в 1918 г. были организованы Социалистическая Академия общественных наук (позже Комакадемия) и Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, в 1921 г. – Институт красной профессуры, а в 1927 г. – Всесоюзная ассоциация для содействия работников науки и техники социалистическому строительству (ВАРНИТСО).

В то же время власти прибегали к репрессиям, имевшим общественный резонанс и создававшим соответствующую атмосферу для подчинения «старых» научных кадров. Двадцатые годы в Ленинграде были ознаменованы целым рядом уголовных дел, направленных против интеллигенции, в том числе и научной. Самые известные – «таганцевское дело» (1921), «дело Космической академии наук» (1928) и «дело кружка “Воскресение”» («дело Мейера»). Как показали дальнейшие события, все это было лишь прелюдией к печально известному «Академическому делу» (1929–1931). Начавшееся с неудачной попытки руководства страны внедрить партийно-правительственных кандидатов в структуру АН, оно переросло в масштабные репрессии, которые коснулись и библиотечных работников.

Репрессии ученых рубежа 1920–1930-х гг. в полной мере затронули и Всеукраинскую АН (далее ВУАН). Организованная еще в 1918 г. при гетмане П.П. Скоропадском, ВУАН имела очевидную национальную направленность, которая выражалась, в том числе, в преобладании украиноведческих проблем в исследованиях. Попытки советского государства в 1920-е гг. «реформировать» ВУАН путем включения

в нее коммунистов и искоренения «украиноцентризма» были более жесткими, чем в АН. Методы же дискредитации «старой» интеллигенции органами ГПУ были сходны тем, что применялись в Ленинграде. В 1929–1930 гг. по сфабрикованному делу «контрреволюционной» организации «Союз освобождения Украины» было репрессировано более четырех сотен человек⁶.

Говоря о вмешательстве государства в научный процесс, нельзя миновать проблемы внедрения марксистско-ленинской диалектики как «всеобщего метода познания». В 1930 г. «старая» АН была поставлена перед необходимостью тотального перевода науки на марксистские рельсы. В Уставе с четкостью, не допускающей иных толкований, указывалось, что АН должна содействовать «выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения, планомерно направляя всю систему научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя»⁷. Нельзя не заметить при этом, что в начале 1930-х гг. сама марксистско-ленинская диалектика еще не была отлита в канонические формулы: основные постулаты советской философии будут окончательно определены в 1938 г. в статье И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», опубликованной в газете «Правда» от 12 сентября. Это обстоятельство некоторое время давало относительную свободу в истолковании трудов классиков. Но ярлыки, активно раздаваемые во время внутрипартийной борьбы конца 1920-х – начала 1930-х гг. – например, обвинение в «правом уклоне» Н.И. Бухарина или в «меньшевистствующем идеализме» А.М. Деборина, – уже сделали эту свободу призрачной. Публикуемые в настоящем сборнике документы свидетельствуют о готовности некоторых ученых, а также работников библиотек пользоваться подобными «ярлыками» при обсуждении, казалось бы, сугубо библиотечных вопросов.

Что касается собственно научных библиотек, то одной из основных проблем, стоявших в тот период перед ними, было формирование реальных каталогов, построенных на основе марксистской философии науки. В 1930-е гг. одним из инициаторов и активных участников

⁶ Матвеева Л.В., Цыганкова Э.Г. Всеукраинская Академия наук. Год 1929-й // IN MEMORIAM : ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М. ; СПб., 1995. С. 112–140.

⁷ Устав АН СССР 1930 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/ran/?id=3781> (дата обращения: 25.02.2017).

этого процесса являлась Библиотека Академии наук (далее – БАН). БАН была не только крупнейшей и старейшей научной библиотекой СССР. В 1930 г. она стала центром единой библиотечной сети, в которую были объединены специальные библиотеки институтов АН, находящиеся в Ленинграде, Москве и других городах страны. Формирование сети неизбежно ставило вопрос о выработке единых принципов классификации поступающей литературы.

Следует отметить, что в БАН необходимость создания карточного систематического каталога была осознана задолго до рассматриваемого периода. К 1930-м гг. систематизация книг на карточках велась во II (Иностранном) отделении (с 1914 г.) и в Славянском отделении (с 1890-х гг.), также существовала хронологически-инвентарная картотека в I (Русском) отделении (с 1893 г.). Вопрос о создании карточного систематического каталога поднимался в 1891 г. одним из директоров БАН академиком К.Г. Залеманом. Переход на новый тип каталога должен был, в том числе, компенсировать недостатки классификации К.М. Бэра, которая уже в конце XIX в. не в силах была отразить изменения в отдельных науках. Однако предложение не встретило понимания в связи с большим авторитетом системы К.М. Бэра среди работников библиотеки. После 1917 г. стало очевидным, что систематизация книг в библиотеке уже не может быть прежней. По инициативе и под руководством заведующего II отделением Ф.Ф. Скрибановича был принят перевод на русский язык классификации К.М. Бэра и ее частичное дополнение⁸. В 1923 г. последовательная работа в этом направлении была прервана вынужденным отъездом Скрибановича за границу (он был латвийским оптантом). С 1927 г. книги в БАН систематизировались по Десятичной классификации⁹, которая на практике была очень громоздкой и неудобной для читателей.

В июле 1928 г. Ф.Ф. Скрибанович, получив советское гражданство, был вновь назначен на должность заведующего II отделением БАН. Одновременно он встал во главе Особой комиссии по составлению плана сводного каталога и руководил подготовкой «Кратких предва-

⁸ Бэр К.Э. Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской академии наук, составленная в 1841 г.: (пер. с лат. изд. 1903 г.) / АН СССР. Б-ка. Л., 1926. 63 с.

⁹ Десятичная классификация – система классификации книг, разработанная в XIX в. американским библиотекарем М. Дьюи. Послужила основой для Универсальной десятичной классификации, созданной бельгийскими библиотекарями П. Отле и А. Лафонтеном в конце XIX в. В 1917–1921 гг. и в последующие годы оба варианта широко использовались в советских библиотеках в оригинальном либо переработанном вариантах.

рительных правил составления карточек Сводного каталога библиотек учреждений Академии наук СССР». Однако уже в декабре 1929 г. Скрибанович был арестован по «Академическому делу»¹⁰ и в БАН ему уже не суждено было вернуться.

В 1930 г. при новом директоре БАН – докторе исторических наук И.И. Яковкине – была осуществлена перестройка библиотеки по функциональному принципу, и в числе новых подразделений был создан научно-библиографический отдел. Его частью стала группа «реального каталога». В конце 1934 г. последняя вошла в состав отдела обработки, а в 1936 г. был организован самостоятельный отдел систематизации и информации. В 1930-е гг. работу по составлению систематического каталога и разработке классификационных схем в БАН возглавил Всеволод Васильевич Успенский (1902–1960). Литературовед-библиограф, театровед, поэт и переводчик, он приложил много сил и таланта, чтобы доказать необходимость этого каталога и претворить эти замыслы в жизнь. В своем докладе, прочитанном на расширенном заседании Ученого совета БАН 22 февраля 1933 г., В.В. Успенский обосновывал важность именно систематического, а не предметного каталога перед широким библиотечным сообществом: коллегами по БАН, представителями ГПБ, ЛГУ и библиотек академических учреждений Ленинграда и других городов.

В 1934 г., по инициативе БАН, была организована и проведена 1-я Всесоюзная конференция по систематическому каталогу, которая должна была сыграть ключевую роль в объединении усилий библиотечного сообщества страны в деле разработки советской библиотечной классификации. На заседаниях обсуждались самые важные вопросы:

¹⁰ В 1929–1930 гг. в числе арестованных по «Академическому делу» были и другие сотрудники БАН, участвовавшие в работе Особой комиссии по составлению плана сводного каталога: заведующий Иностранным отделением С.К. Пилкин, заведующий алфавитным каталогом А.В. Бородин, ученый секретарь БАН Ф.А. Мартинсон, старший библиотекарь II (Иностранного) отделения С.С. Абрамович-Барановский (Репрессированные сотрудники Библиотеки Академии наук (БАН), проходившие по «академическому делу» [Электронный ресурс] // http://www.rasli.ru/science/acadrepress_1929.php (дата обращения: 15.02.2017)). Основания для ареста этих сотрудников были разные, зачастую не связанные с работой над систематическим каталогом. Однако тень «Академического дела» легла на деятельность сотрудников БАН в этом направлении в 1930-е гг.: становилось очевидным, что государство может в любой момент грубо вмешаться в работу академического учреждения и придать политическую («контрреволюционную») окраску всякому, даже сугубо библиотековедческому, вопросу.

связь классификаций наук с библиотечными классификациями; какой из принципов классификации – предметный или систематический – должен стать приоритетным в ходе создания библиотечной классификации; необходимо ли существование единой классификации или же каждая библиотека должна и может создавать собственную, – а также целый комплекс проблем прикладного характера.

В настоящем сборнике помещены ранее не публиковавшиеся документы по истории создания библиотечной классификации, которые датируются первой половиной 1930-х гг.:

1. Протокол заседания и стенограмма доклада «О реальных каталогах в системе Академии наук» (22 февраля 1933 г.)¹¹.

2. Стенографический отчет конференции по составлению системных каталогов при БАН СССР [7–9 июня 1934 года]¹².

3. «То, что было и чего не было на первой конференции по систематическому каталогу»¹³.

Указанные документы отражают, прежде всего, участие БАН в процессе разработки схем библиотечно-библиографической классификации (далее – ББК). Ранее данные источники частично использовались в статьях по истории систематического каталога БАН¹⁴. Отметим, что,

¹¹ Протокол заседания и стенограмма доклада «О реальных каталогах в системе Академии наук» от 22 февраля 1933 г. // СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1933). Д. 8. 82 л. (Далее – Протокол)

¹² Стенографический отчет конференции по составлению системных каталогов при БАН от 8–9 июня 1934 г. // СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1934). Д. 7. 68 л. (Далее – Стенографический отчет).

¹³ То, что было и чего не было на первой конференции по систематическому каталогу // СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 5. Д. 70. 27 л.

¹⁴ *Комарова В.П., Атаршикова Н.Г.* Из истории центрального систематического каталога Библиотеки Академии наук СССР (1930–1982 гг.) / Б-ка АН СССР. Л. : БАН, 1989. 46 с.; *Комарова В.П.* В.В. Успенский и его роль в создании классификационных таблиц систематического каталога БАН СССР // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбил. науч. конф., 28 нояб. – 1 дек. 1989 г. Л., 1991. С. 265–271; *Комарова В.П.* Предметный и систематический принципы в классификациях и каталогах академических библиотек / Б-ка РАН. СПб. : БАН, 2001. 118 с.; *Бекжанова Н.В., Омельченко Д.М.* Библиотечное дело в практике социалистического строительства в СССР в 1930-е гг. (1-е Всесоюзное совещание по систематическому каталогу // Роль библиотек в формировании и обеспечении исторической науки: сб. ст. М., 2016. С. 481–499; *Бекжанова Н.В., Омельченко Д.М.* Всеволод Васильевич Успенский (1902–1960). Неизвестные страницы истории ББК // Румянцевские чтения – 2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания : материалы Междунар.

судя по листам использования архивных дел, изучение этих документов началось лишь в конце 1980-х – начале 2000-х гг. По всей видимости, это «забвение» столь важных для истории библиотечного дела источников связано с тем, что многие участники дискуссий к концу 1930-х гг. были репрессированы¹⁵.

Все это определило необходимость ввода в широкий научный оборот данных документов. Кроме того, по имеющимся в настоящий момент сведениям, «Стенографический отчет конференции по составлению системных каталогов при БАН СССР» сохранился в единственном экземпляре. Из-за некачественной бумаги и чернил степень сохранности этого и других документов такова, что в будущем могут возникнуть трудности с их использованием. С сожалением следует признать, что он отражает материалы конференции не в полной мере. По косвенным данным становится понятно, что стенографировались не все заседания. Но даже в этих обстоятельствах важность публикуемых материалов очевидна.

В «Протоколе...» 1933 г. и «Стенографическом отчете...» 1934 г. стенографисты старались более подробно фиксировать высказывания участников и даже реплики из зала. Это делает документы в отдельных местах очень «живыми»: они не только передают атмосферу заседаний, но и раскрывают черты характера, манеру речи отдельных выступающих, степень их готовности встраиваться в идеологический ландшафт и осваивать нормы и правила официального дискурса. Иными словами, перед нами не просто делопроизводственная документация и инструмент бюрократической организации научной деятельности, но важное свидетельство формирования научной коммуникации того времени.

Записка «То, что было...», автора которой к настоящему моменту не удалось атрибутировать, любопытна с точки зрения «войны языков» и попытки их «диалектического» примирения. Создается впечатление, что составитель ее еще до революции получил гуманитарное образование: он не только делает постоянные вставки на латинском языке (общие для представителей всех наук), но и использует образы,

науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2017 г.). М., 2017. Ч. 3: Круглый стол «Библиотечно-библиографическая классификация – Национальная классификационная система Российской Федерации» (19 апр. 2017 г.). С. 140–145; *Перекрест С.В.* Роль Библиотеки Академии наук в истории создания Библиотечно-библиографической классификации по биологии // Там же. С. 146–159; *Перекрест С.В.* К истории создания ББК по биологии в первой половине XX в. // Петерб. библи. шк. 2017. № 3. С. 95–100.

¹⁵ Подробнее см.: *Бекжанова Н.В., Омельченко Д.М.* Библиотечное дело в практике социалистического строительства в СССР в 1930-е гг... С. 496–497.

вроде «тьма киммерийская», «не все благополучно в царстве Датском», «Голубиная книга». Упоминание Л.П. Карсавина – философа, к тому моменту уже более десятка лет высланного из СССР, – наводит на мысль об одном из «буржуазных профессоров». Более того, логика построения мысли и характер аргументации выдают в авторе человека эрудированного, умудренного не только библиотечным, но и научным опытом. Его вкус к тонкому, подчас едва уловимому юмору, свидетельствует о его умении работать с аудиторией. И в то же время автор практически на каждом листе упоминает «заветы» классиков марксизма-ленинизма. Причем, делая не просто «реверансы» в сторону официальной идеологии, но и, думается, действительно пытаюсь подойти с точки зрения диалектического материализма к построению каталога. Насколько искренне автор, чья культура мысли, по всей вероятности, принадлежала совсем другой эпохе, был приверженцем марксизма как идеологии и как научного метода, судить сложно. Пока неизвестно имя автора, всякие размышления на эту тему будут лишь догадками.

Очевидно, что публикуемые источники важны не только для изучения истории библиотечного дела в СССР. Они позволяют высветить новые грани актуальных в настоящее время междисциплинарных проблем: формирование советского научного сообщества, процесс его «встраивания» в дискурсивные стратегии власти, социальное пространство бытования советской науки. Сравнивая протоколы 1933 и 1934 гг., нельзя не заметить, насколько увеличивается доля идеологической проблематики при обсуждении построения каталога. В докладе 1933 г. В.В. Успенский еще позволял себе некоторые сомнения относительно того, сможет ли марксистский метод стать универсальным началом для построения систематического каталога¹⁶. И в ходе обсуждения докладчика лишь слегка упрекнули в том, что в своем плане построения каталога он не отразил «руководящую роль определенной системы знаний» и «момент оценочного порядка»¹⁷. Но уже в следующем году критика в этом направлении велась куда более активно¹⁸. Примечательно и то, что в статье самого В.В. Успенского в «Вестнике АН СССР» за 1934 г. сомнений в важности марксистского метода уже нет¹⁹. Некоторые отголоски недавно прошедших репрессий в ВУАН можно слышать в том,

¹⁶ Протокол. Л. 16–17.

¹⁷ Протокол. Л. 54–55.

¹⁸ Стенографический отчет. Л. 7, 33 об., 34, 37, 39.

¹⁹ *Успенский В.В.* Проблема марксистско-ленинской классификации наук применительно к систематическому каталогу : из опыта работы Библиотеки Академии наук // Вестн. АН СССР. 1934. № 7–8. Стб. 31–42.

сколь старательно на конференции по составлению систематического каталога ученый секретарь библиотеки ВУАН Н.М. Малюга стремился доказать свою верность партийной идеологии.

Совершенно очевидно проникновение государственной идеологии в вопрос о привлечении зарубежного опыта каталогизации. Если еще в первой четверти XX в. данная проблема в БАН обсуждалась, то в 1930-е гг. это становилось все более опасным. И дело не в существенных недостатках, которые были характерны для зарубежных систем²⁰. Причина в том, что постепенно начинает обозначаться тенденция прекращения научных связей СССР с границей, хотя генеральный курс ВКП(б) в этом направлении еще не обрел четких очертаний²¹.

Публикуемые источники дают редкую возможность увидеть «изнутри» процесс освоения «старым» академическим миром нового языка научного описания. Мы застаем научное сообщество в период, когда «советизация» и «марксизация» еще не проникли глубоко в сознание, когда язык полемики еще не был столь идеологизирован. Отсюда и полифония звучащих в документах голосов. Наряду с теоретическими рассуждениями о каталоге и логике представления в нем отдельных наук, заметно усвоение некоторыми участниками «дискурса борьбы», присущего государственной идеологии того времени: «контрреволюционное течение», «должны получить отпор», «мобилизация всех сил библиотечного фронта», «мобилизация научно-теоретических сил вокруг библиотек», «классовая борьба», «каталог библиотеки должен быть боевым орудием, должен быть классово-заостренным»²². Ученые-марксисты, постоянно переводившие вопросы составления каталога в плоскость идеологии²³, кажется, подчас низводили уровень ведения полемики до митинга, где основными методами являлись агитация и пропаганда.

В ходе подготовки документов к публикации все понятия, требующие разъяснения, были снабжены комментариями. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами языка. Явные опечатки исправлены без особого указания на это. Все вставки, сделанные составителями, заключены в квадратные скобки. В тех слу-

²⁰ Протокол. Л. 41, 56.

²¹ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом : становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 гг. // Вопр. истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

²² Стенографический отчет. Л. 38, 38 об., 39, 40 об., 54.

²³ Стенографический отчет. Л. 39–40 об.

чаях, когда внедрение в текст могло изменить авторский стиль и манеру изложения, был сохранен вариант оригинала.

Протоколы заседаний 1933 и 1934 гг. дополнены реконструированным на основе листов регистрации списком участников каждого из мероприятий²⁴. Для более полного персонифицированного представления об участниках работы над библиотечными классификациями в 1930-е гг. в СССР на основе этих списков был подготовлен биографический словарь.

Публикуемый в сборнике «Проект схемы классификации наук для систематического каталога Библиотеки Академии наук» 1934 г. формирует контекст обсуждения.

С тем, чтобы раскрыть многогранность личности первого заведующего отделом систематизации и информации БАН В.В. Успенского, в сборник помещен список его публикаций и материалов о нем.

Вспомогательный аппарат включает Именной указатель и Указатель сокращений.

²⁴ СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1933). Д. 8. Л. 82; Оп. 3 (1934). № 10. Л. 56–62.